ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1979

ТЕНИШЕВ Э. Р.

ЯЗЫКИ ДРЕВНЕ- И СРЕДНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В тюркском языкознании господствует в основном исторически сложившееся структурно-генетическое направление в исследовании языков древне- и среднетюркских письменных памятников. Сущность этого направления заключается в том, что языки памятников рассматриваются как отражение разговорных языков (или диалектов) тюркских племен и народов, с одной стороны, и как языки, имеющие продолжение в настоящем,— с другой. В соответствии с этим, например, язык памятников орхонского письма делится на наречия, диалекты, говоры, подговоры, или считается праязыком, родоначальником группы языков, предком отдельных тюркских языков.

Существует и другое понимание языкового состояния тюркских письменных памятников, давно наметившееся, но не получившее в дальнейшем развития. Это направление связано с именами В. В. Радлова, С. Е. Малова и содержит в себе призыв увидеть в старых текстах воплощение наддиалектного и единого для ряда племен и народов языка, иными словами, отличать литературную форму от народно-разговорной.

Справедливости ради следует сказать, что термин «литературный» почти закреплен исследователями за тюркоязычными текстами средневековья, но специфика понятия остается ими не раскрытой. Отсюда следует, что в центре внимания должно быть понятие «литературный язык» — понятие, в равной мере относящееся и к современным и к древним языкам. В последнее время в советском языкознании вновь пробудился интерес к функциональному аспекту языка к исследованию истории и типологии литературных языков с привлечением материала различных языковых семей; об этом наглядно свидетельствует научная продукция последних лет.

Литературный язык, будучи одной из социально организованных форм языка, различительными признаками имеет: а) бóльшую или меньшую степень обработанности, шлифовки, б) наддиалектный характер, в) функционально-стилистическую вариативность.

Введение письменности расширяет сферу применения литературного языка и становится одним из важнейших условий его существования и развития. Вместе с тем язык фольклора, устной поэзии, а также народного права обладает признаками обработанности и наддиалектности в такой степени, что его можно отнести к раннему периоду истории литературных языков, к истокам их истории [1]. Следует заметить, что преемственность

[1] М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, О некоторых принципах изучения литературных языков и их истории, ИАН ОЛЯ, 1977, 5, стр. 441 (здесь же см. библиографию темы); М. М. Гухман, Введение, сб. «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков», М., 1977, стр. 5—6; В. Н. Ярцева, Развитие национального литературного английского языка, М., 1969, стр. 5, 92. О роли письменности см.: Ф. П. Филин, О свойствах и границах литературного языка, ВЯ, 1975, 6, стр. 12; Н. С. Гринбаум, Проблема древнегреческого литературного языка, ВЯ, 1977, 6, стр. 87.

языкового развития, наследование престижной традиции — существенный признак литературных языков вообще.

I. Руническое койне — первый письменный литературный вариант. Обращаясь к языку крупных рунических памятников «орхонского» круга VI—VIII вв., нельзя не заметить его ярко выраженный наддиалектный характер, представляющий собой сплав двух (или более) начал: огузского, строевые элементы которого — вин. падеж с формантом *-γγ*, прошедшее время с формантом *-myš*, форма на *-duq*, глагол *bul-* «находить», и уйгурского, конститутивные черты которого — наличие *d* в середине имен и глагольных основ, дат. падеж с формантом *-γa*, форма на *-dačy*, глаголы *bar-* «идти», *bol-* «быть, становиться» и т. д. Свидетельством наддиалектности является и широкий пласт лексики рунических памятников: нейтральные к диалектам фразеологические сочетания и группа слов в метафорическом употреблении. Перечень подобных признаков можно продолжить, но и из приведенного ясно, что данное языковое образование возникло путем концентрации нескольких диалектов (или племенных языков).

Язык орхонских надписей к моменту фиксации его рунических знаками предстает в достаточно обработанном виде. Об этом свидетельствует богатый набор различного рода формул, устойчивых сочетаний слов. Наиболее обширен разряд поэтических формул, включающий в себя постоянный эпитет, описание внутреннего состояния предмета или лица, характеристику простого народа и высших должностных лиц, обороты речи для передачи сложных расчлененных представлений типа поговорок, афоризмов, сентенций и т. д. Выделяется слой ораторских формул — формулы начала речи, обращения, риторического вопроса и т. п. Есть некоторое количество правовых и обиходно-бытовых формул, а также стилистически окрашенная лексика — представления идеологического порядка и ряд глаголов с метафорическим значением. Насыщенный репертуар формул со всей очевидностью устанавливает связь языка текстов с языком фольклора, а также народного права.

При внимательном наблюдении улавливается функционально-стилистическая обособленность отдельных групп памятников, на что уже обратил внимание А. Н. Кононов [2]. Так, наибольшая стилистическая законченность, качества высокого стиля присущи орхонским памятникам: надписям Кюль-Тегину и Бильгя Кагану (автор текстов — лицо ханского рода Йолыг-Тегин), Тоньюкуку (автор текста — вельможа Тоньюкук), Онгинской, Моюн-Чуру и Кули-Чуру. Строго нормированный язык орхонских надписей, составителями которых были лица придворного круга, обслуживал высшие слои древнетюркского общества, выполнял функции литературного языка аристократического типа и потому, естественно, не допускал диалектных включений. Некоторые различия в языке орхонских памятников следует объяснить влиянием диалектной стихии и индивидуальными особенностями стиля или манеры письма составителей. Что касается енисейских надписей, фиксирующих поминальный стиль, то они принадлежат более широким социальным слоям, чем орхонские, и несут на себе заметную примесь диалектизмов. Надписи из Алтая, содержащие представления бытового порядка, тяготеют явно к обиходному стилю.

Таким образом, язык тюркских рунических надписей в целом по сути своей есть запись древнетюркского койне, первый литературный вариант в истории тюркских языков. Языком рунических надписей как единым и общепонятным пользовались различные тюркские племена или союзы

[2] А. Н. Кононов, Из наблюдений над синтаксисом надписи Тоньюкук, сб. «Philologica. Исследования по языку и литературе», Л., 1970, стр. 90.

племен — огузы, уйгуры, киргизы, кипчаки и др. Каждое племя имело, разумеется, свой народно-разговорный язык для повседневного общения. Типологическую параллель к языку тюркских рунических надписей составляет широкий диапазон языков: германских рунических надписей, древнеисландского устно-литературного языка, древнерусского языка и койне северно-албанских горцев [3].

II. Древнеуйгурский литературный язык. В середине VIII в. уйгуры, вытесненные киргизами из Монголии, переселились на юг и юго-запад в район Турфана и Ганьчжоу. Здесь впоследствии возникли два уйгурских государственных образования — Турфанское и Ганьчжоуское. Наибольший след в культурной истории уйгуров оставило Турфанское княжество. В начальный период нового государства уйгуры продолжали употреблять прежний литературный язык и руническое письмо. Руническая письменность применялась в религиозной и деловой сферах: таковы небольшая по объему «Книга гаданий» («Ырк битиг») шаманского содержания, несколько юридических документов и надписей на бытовых предметах. Однако руническое койне было для уйгуров архаичным и не обеспечивало потребностей общественных институтов государства. Это обстоятельство явилось толчком к созданию на базе рунического койне в исторически короткий срок нового литературного языка, понятного широким слоям народа. Из рунического койне была бережно сохранена его огузо-уйгурская основа. К этой традиционной части были прибавлены национальные, собственно уйгурские элементы всех уровней — фонетического, грамматического, лексического: *j* вм. *ñ*, исх. падеж на *-dyn*, «двойное склонение» местоимений, особые системы времен индикатива и личного оформления кондиционалиса, большое количество новых слов и терминов. Среди них особо следует отметить заимствования из санскрита, согдийского, среднеперсидского, тохарского и китайского языков. Так возник структурно смешанный язык, называемый в уйгурских рукописях türk ujγur tili (тюркско-уйгурский язык).

В. В. Радлов полагал, что этот язык окончательно сложился между VIII и IX вв. и потом уже употреблялся в монастырях без всякого изменения. Уйгурская письменность (у ганьжоуских уйгуров), судя по находкам С. Е. Малова, существовала до начала XVIII в. Кроме рунического алфавита, который был сравнительно небольшим эпизодом, уйгуры пользовались согдийским и адаптированным его вариантом (называемым уйгурским), манихейским и брахми шрифтами.

Небывалого расцвета литературный язык достиг в собственно уйгурский период. Общественное употребление литературного языка привело к созданию его функционально-стилевой системы, включающей стили религиозной (философско-дидактической) литературы, художественной литературы (прозы и поэзии), научных произведений, деловых документов и частной переписки. Основные лингвистические средства выражения стилистических вариантов приходятся на долю лексики и синтаксиса.

Стиль религиозной литературы у уйгуров был самым развитым. Наибольшее количество сохранившихся рукописей имеет буддийское содержание, затем идут рукописи шаманского, манихейского и христианского содержания. Для стиля буддийских трактатов, в основном переводных, характерно огромное количество терминов, словосочетаний и оборотов для передачи сложных представлений буддизма. Уйгурам было свойственно стремление освободиться от иноземной терминологии, прежде всего санскритской, и заменить ее своей тюрко-уйгурской.

---

[3] А. В. Десницкая, Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка, Л., 1970, стр. 86—98.

На основании сохранившихся легенд светского содержания можно полагать, что у уйгуров значительного развития достиг и стиль художественной литературы. Особенно процветала поэзия. Существовали различные стихотворные жанры, были свои известные поэты, имена которых сохранили рукописи. В стихах широко применялась вертикальная аллитерация. Поэты обращались и к такой редко встречающейся форме стиха, как трехстишия.

Уйгурский деловой стиль, представлен юридическими документами, ярлыками и записями хозяйственного содержания. В самой общей форме надо заметить, что стиль деловых документов отражает элементы народного языка в большей степени, чем стили религиозной или художественной литературы.

От назначения, формы документов и производящей их канцелярии зависит мера отражения народно-разговорной или, точнее говоря, устной разновидности литературного уйгурского языка. Древнеуйгурский литературный язык, несмотря на широкое общественное употребление, что подтверждают различные его стили, тем не менее был языком только письменного общения подобно древним литературным языкам Китая и Японии.

Для устного общения литературный язык уйгуров не был пригоден. В обиходно-разговорной практике уйгуры использовали язык, близкий, но не тождественный литературному. Этот язык в какой-то степени можно реконструировать, опираясь на часть литературного языка, свободную от архаизмов, на данные памятников на брахми, отражающих устную норму произношения, и привлекая материал диалектов современного уйгурского языка и языка родственных уйгурам сарыг-югуров. Подобный язык условно можно назвать говором (полудиалектом) древнего Турфана. Именно он питал древнеуйгурский литературный язык, вошел в диалектную систему современного уйгурского языка и получил отражение в тюркских языках Сибири.

Древнеуйгурский литературный язык, достигший блестящего развития, был чрезвычайно популярен и хорошо известен другим тюркоязычным народностям. Позднее он был использован при формировании других вариантов литературных языков. Поэтому для углубленного понимания их структуры совершенно необходимы в первую очередь полная нормативная грамматика уйгурского языка и подробный уйгурский словарь.

III. Караханидско-уйгурский (хаканский, буграханский) литературный язык. Вслед за уйгурским литературным языком на территории караханидского государства к XI—XII вв. при других исторических обстоятельствах сформировался свой литературный язык. Караханидское государство — первое и истории Средней Азии государство мусульманской культуры с центром в г. Кашгаре, западные границы которого доходили до Самарканда и Бухары. Когда возникла династия караханидов и какова ее этническая принадлежность — остается неясным. От караханидского периода сохранились поэмы «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «'Атабат ал-хакаик» Ахмада Югнаки, «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского и комментарий к Корану, из которого опубликован сюжет о семи спящих отроках «Асхаб ал-кахф». В процессе сложения язык данных произведений впитал в себя традиционную огузо-уйгурскую основу престижного древнеуйгурского языка, которая, несомненно, воспринималась как уйгурская в целом. Уйгурское влияние сказывалось и на внешней стороне — употреблении наряду с арабским и уйгурского алфавита (некоторые списки «Кутадгу билиг» и «'Атабат ал-хакаик» переписаны уйгурским шрифтом).

Традиционная часть представлена вин. падежом с формантом *-уγ*, старой формой исх. падежа на *-da* и уйгурской его разновидностью на

-dyn, в косвенных падежах перед падежным формантом присутствует *-n*, местоимения обладают двойным склонением, а в глаголе функционируют формы на *-myš*, на *-duq*, на *-γly*, на *-γuluq*, на *-dačy* и т. д.

С этим выбором старых языковых черт взаимодействуют в системе единого языка «новые», национальные элементы: звук δ в середине имен и конце глагольных основ, вин. падеж. с формантом *-ny*, исх. падеж с формантом *-dan*, повелительное наклонение с тремя видами формантов для 3-го лица: *-su*, *-sun-* *-suny*, условное наклонение с формантом *-sa* + аффикс сказуемости, причастие настоящего времени на *-γan*, новая система количественных числительных и обильная арабская и персидская лексика, нейтральная в диалектном отношении. Таков явно наддиалектный характер данного языка. Как литературному языку ему свойственны высокая степень обработанности, шлифовки и жанрово-стилистическая модификация. Поэзия с ее разнообразными жанрами и видами представлена более полно, чем проза. Поэтические произведения хранят в себе старых элементов заметно больше, чем прозаические.

Типологически сходное явление (т. е. архаичный характер языка поэзии) обнаруживается в поэтическом творчестве многих народов мира: французского, итальянского, испанского, русского, арабского, таджикского и т. д. Научный трактат о тюркских языках Махмада Кашгарского следует выделить особо ввиду неоднородности приводимого материала: среди иллюстраций встречаются и образцы поэзии на литературном языке, на что давно уже указал В. В. Бартольд, и примеры с диалектными пометами, и немаркированные примеры, быть может, придуманные самим автором.

В научной литературе письменный язык караханидской поры принято именовать караханидско-уйгурским. Термин не обладает достаточной точностью. Первая часть его («караханидский») остается нераскрытой, а вторая («уйгурский») употребляется в самом общем смысле как нечто пришедшее из уйгурского по линии преемственности, но и для уйгурского языка эта часть не полностью своя. В этих обстоятельствах уместно вспомнить термины, использованные самими средневековыми авторами. В предисловии к «Кутадгу билиг» автор язык поэмы называет «буграханским», букв. «буграханов язык» (buγrā ḫān tili), подразумевая под этим династийным термином придворный, аристократический, высокий стиль языка.

Сходный термин употребляет и Махмуд Кашгарский — а именно «хаканский» (ḫāqānije «царский»), в двух значениях: 1) «самый прозрачный и сладкий» из тюркских языков и 2) тот, на котором говорят жители Кашгара. Второе значение указывает на городской говор (полудиалект) Кашгара, который лег в основу высшего стиля литературного языка караханидов. Подтверждение этому дает Ахмад Югнаки, прямо указывая, что его поэма написана на «кашгарском языке» (kāšγar tili bilä).

Литературный язык и литература караханидов пользовались в свое время большой популярностью, имели они влияние и в последующий период. Это видно из того, что на нижнем течении Урала, в Сарайчике, был найден кувшин с надписью-стихами из «Кутадгу билиг», относящийся приблизительно к XIII в.[4].

IV. Хорезмско-тюркский литературный язык. В XIII—XIV вв. следующим после Кашгара очагом мусульманской тюркской литературы и соответственно литературного языка сделалась местность по нижнему течению Сыр-Дарьи вместе с Хорезмом, а также территория Золотой Орды. Еще недавно область проявления иранской культуры

[4] А. Самоилович, Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшин из Сарайчика, ЗВО РАО, XXI, 1, СПб., 1912, стр. 046.

и иранского языка — Хорезм и культурно связанные с ним города — стала местом тюркской, весьма активной литературной и научной деятельности (как до монголов, так и после них), протекавшей на тюркском, арабском и персидских языках. В тюркизации Хорезма в XI—XII вв. деятельное участие принимали огузские и кипчакские племена, языки которых образовали основу литературного языка.

К памятникам данного периода относятся «Кысас ал-анбийа», Насираддина Рабгузи, «Муин ал-мурид» Шайха Шариф-Ходжа, «Хусраву Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» Хоразми, «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ибн Али, анонимные «Мифтах ал-'адл» и «Ме'радж-наме». Традиционную, огузо-уйгурскую часть языка этих текстов составляет далеко не полный перечень форм литературного языка караханидской поры: наличие межзубного δ в середине имен и конце глагольных основ, исх. падеж, с формантом *-dyn*, причастие на *-γly*, причастие и одна из форм прошедшего времени на *-myš*, форма на *-duq*, редкая форма условного наклонения *-sa* + аффикс сказуемости. К этой части добавлены новообразования в значительной степени кипчакского происхождения: слова со среднеязычным *j* в середине имен и конце глагольных основ, вин. падеж с формантом *-ny*, дат. падеж на *-γa* с формами 3-го лица ед. числа принадлежности без промежуточного *-n-* (редко), мест. падеж на *-da* с формами 3-го лица ед. числа принадлежности без *-n-* (редко), ординарная система склонения местоимений, форма условного наклонения с аффиксом *-sa* + аффикс принадлежности, форма настоящего времени на *-a* + *turur*, форма прошедшего времени на *-p* + *turur*. В составе литературной лексики большое количество арабских и персидских слов.

Такова смешанная, наддиалектная природа языка указанных памятников. Хотя уйгурская часть в ней и невелика, но уйгурское влияние все еще сказывается на графике памятников, часть из них написана уйгурскими буквами. Наддиалектный язык сочетается с хорошей обработанностью, шлифовкой и наличием жанрово-стилистической вариативности — жанрами поэзии и прозы со стилистическими различиями (религиозного, философско-дидактического и светского характера). Сказанное убеждает в том, что это особый литературный язык, именуемый в восточных источниках «хорезмско-тюркским».

V. Чагатайский литературный язык. Самым блестящим и вместе с этим завершающим периодом в истории тюркских литератур и литературных языков средневековья были XV—XIX вв. Начало периода совпало с эпохой тимуридского государства (XV—XVI вв.). Поразительный расцвет литературы и развитие литературного языка гармонировали с творческим подъемом в области науки и искусства.

Источников литературного языка великое множество: называя их, пришлось бы перечислить все произведения поэтов, писателей, ученых. Полное представление об этом наследии можно получить из обзорных работ В. В. Бартольда, Ф. Кёпрелю и последней по времени работы Я. Экмана [5]. В языке письменных памятников указанного периода от традиционной, огузо-уйгурской основы осталось немного — дат. падеж на *-a*, *-yna*, мест. падеж на *-ynda*, исх. падеж на *-yndyn*, прошедшее время на *-myš*, деепричастие на *-ban*.

Основной же фонд строевых элементов языка памятников состоит из инноваций: среднеязычного *j* в середине имен и конце глагольных основ, систем косвенных падежей от форм принадлежности 3-го лица ед. числа

[5] В. В. Бартольд, Чагатайская литература, «Сочинения», V, М., 1968, стр. 606—610; F. Köprülü, Çagatay edebiyatï, «İslam ansiklopedisi», c. 3, İstanbul, 1954, стр. 270—323; I. Eckmann, Die tschagataische Literatur, «Philologiae Turcicae Fundamenta. Tomum secundum», Wiesbaden, 1964, стр. 304—402.

с формантами, *-γa*, *-da*, *-dyn* без промежуточного *-n-*, причастия на *-γan*, настоящее время на *-a* + *dur*, будущее время — аффикс *-γu* + аффиксы лица + *dur*, прошедшее время на *-p* + *dur*, условное наклонение с аффиксом *-s* + аффиксы принадлежности. Стихотворные произведения, как и в предыдущий период, насыщены архаизмами больше, чем прозаические. Уйгурское влияние все еще сказывается в том, что некоторые произведения имеют варианты на уйгурском шрифте. Следует отметить порой очень значительный пласт заимствованной арабской и персидской лексики. В основе литературного языка лежит говор (полудиалект) крупных центров городской жизни: Самарканда, Андижана.

В целом язык памятников носит смешанный, наддиалектный характер. Очень высок уровень его шлифовки, обработанности, художественной выразительности и терминологической полноты. Жанры поэзии и прозы включают в себя гамму стилевых модификаций (стили религиозной, философско-дидактической, научной, юридической, деловой, эпистолярной литературы). Язык памятников данного периода — очень богатый, гибкий и выразительный литературный язык. Тюркские авторы именуют его «чагатайским». У Алишера Навои встречается термин čaγataj lafzy «чагатайская речь», у Мирзы Мехди-хана — luγat-i čaγataj «чагатайский язык», у Абу-л-Гази — čaγataj türkisi «чагатайский тюрки» или «чагатайско-тюркский».

В развитии чагатайского языка можно выделить несколько этапов. Прежде всего ранний этап — к нему относятся поэты до Навои. Второй этап классический: золотая пора чагатайского периода. Гениальный узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои, пользуясь материалом предыдущего периода, создал в своих сочинениях понятный (хотя и требовавший комментариев) народным массам новый литературный язык и доказал, что по своим художественным потенциям он не уступает достоинствам такого прославленного языка восточной литературы, как персидский. По меткому выражению С. Е. Малова, Алишер Навои был не только фактом, но и фактором истории [6]. Созданное им было подхвачено и развито поэтами и писателями последующего этапа. Третий этап чагатайского языка — поздний классический — смыкается с периодом «тюрки».

Чагатайская литература и чагатайский язык достигли необычайной популярности — влияние их ощущается на обширном пространстве от Турции до Китая: у ранних турецких поэтов на западе и уйгурских писателей и историков на востоке.

VI. Литературный язык «тюрки». С появлением на исторической арене современных тюркоязычных народов до формирования их в отдельные нации чагатайский язык использовался как литературная форма. Постепенно он вбирал в себя местные народные элементы (городских говоров), что привело к появлению локальных вариантов письменного языка, которые в целом в отличие от чагатайского можно было бы называть литературным языком «тюрки». Известно несколько вариантов «тюрки»: среднеазиатский (узбекский, уйгурский), поволжский (татарский, башкирский), арало-каспийский (казахский, каракалпакский, киргизский), кавказский (карачаево-балкарский, кумыкский) [7]. С этого момента, можно говорить о начальной поре современных тюркских национальных литературных языков. Однако традиция бытования и хранения чагатайских и даже более ранних хорезмских памятников у тюркоязычных народов, можно думать, не прерывалась и дошла до наших дней.

[6] С. Е. Малов, Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии, ИАН ОЛЯ, 1947, 6, стр. 480.

[7] C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, Leiden, 1954, стр. 1.

Так, фольклорная экспедиция Института языка, литературы и истории Казанского ФАН СССР обнаружила, что в селениях Татарской республики, а также Пермской, Ульяновской, Пензенской областей главным образом пожилые женщины в зимние вечера охотно поют или пересказывают отдельные отрывки из «Кысса-йи Юсуф» Али и «Кысас ал-анбийа» Рабгузи, сохраняя старый языковой колорит произведений. Слушатели нередко запоминают услышанное и стремятся рассказать другим. В процессе запоминания и пересказа совершается творческая переработка известных сюжетов. Литературоведы Казахстана отмечают подобное явление в казахской среде: казахские акыны исполняют в сопровождении домбры лирические фрагменты из «Кысас ал-анбийа» Рабгузи своим многочисленным слушателям. Запоминание и пересказ старых письменно-книжных сюжетов с сохранением языка оригинала отмечены у балкарцев и карачаевцев. Очевидно, такая практика существует и у других тюркоязычных народов, знаменуя конечный период развития старых литературных тюркских языков. Если в ранний период первый литературный вариант (руническое койне) проистекал из фольклора, то теперь остаточный вариант старотюркского литературного языка вливается в безбрежное море устного народного творчества.

VII. Сельджукский, мамлюкско-кипчакский и булгарский литературные языки. Кроме литературных языков Центральной и Средней Азии, известны тюркские литературные языки других географических ареалов: Закавказья и Малой Азии, Египта, Поволжья. Эти языки не связаны какой-либо единой традицией и сфера действия их во временно́м и пространственном измерениях у́же, чем у группы центрально- и среднеазиатских языков.

1. Памятники огузского цикла XIII—XIV вв. из Малой Азии и Закавказья. К ним принадлежат следующие арабографические памятники: поэма «Чарх-наме» Ахмада Факиха, стихи Джалаледдина Руми, «Ребабнаме» Султана Веледа, собрание стихов Шаййада Хамзы и анонимная книга эпических сказаний огузов «Китаб-и Деде Коркуд». В структурном плане язык этих памятников представляет собою смешение огузских черт современных огузских языков с заметным влиянием уйгурской письменной традиции. Уйгурская традиция сохраняется в графике: выписываются буквы для гласных и диграф *ng*, служебные части слова пишутся отдельно от основы. Уйгурские элементы встречаются и среди строевых единиц языка: местн. падеж *-da* в значении исх. падежа, форма исх. падежа на *-dyn*, глагольная форма на *-dačy*, деепричастие с формантом *-uban*. В лексике памятников выделяется слой арабских и персидских слов.

Несомненно, что природа языка памятников структурно-смешанная, наддиалектная. Язык произведений красочный, очень богатый выразительными средствами — изобилуют метафоры, параллельные синтаксические конструкции, устойчивые словосочетания и речения, иными словами, являет образец тщательной обработки.

Отсюда следует, что в данной группе памятников воплощена литературная форма одного из средневековых огузских языков. За ним закрепилось название «сельджукский». Письменный сельджукский язык имеет отношение ко всем литературным языкам южной, огузской группы: турецкому, туркменскому, азербайджанскому, крымско-татарскому, гагаузскому.

2. Письменные памятники кипчакского цикла XIII—XVII вв. из Египта и Сирии периода правления тюркских династий айюбидов и мамлюков. Большей частью это арабско-кипчакские глоссарии и грамматики кипчакского языка, составленные в духе арабской грамматической школы. Небольшое количество текстов религиозного, светского содержания.

Языку этих источников свойственна смешанность структурных признаков — совмещение северных и южных элементов: дат. падеж с формантами *-γa* и реже *-a*, причастие прошедшего времени на *-γan*, *-an* и *-myš*, настоящее время на *-adyr* и *-ajor*, прошедшее время на *-myš*. След уйгурского влияния засвидетельствован формой причастия будущего времени на *-dačy*. В лексике памятников присутствуют нейтральные к диалектам арабские и персидские заимствования. Наряду с наддиалектностью языка памятников заметна языковая шлифовка, обработанность. Различаются стили научной, религиозной и светской литературы. Есть все основания считать язык указанных источников литературным. Основные строевые элементы его кипчакского типа, поэтому и язык именуется «мамлюкско-кипчакским».

По некоторым морфологическим признакам мамлюкско-кипчакский в группе современных кипчакских языков тяготеет к казахскому, каракалпакскому и ногайскому.

3. Эпитафийные надписи XIII—XIV вв. из Поволжья. В настоящее время насчитывается более двухсот памятников арабского письма эпитафийного содержания из района Казани и других мест по Волге.

Язык надписей характеризуется явлениями ротацизма, ламбдаизма и начальным *ǯ*. В морфологическом плане он имеет южную (огузскую) окраску: дат. падеж с формантом *-a*, местн. падеж на *-ynda*, форма на *-duvi* (< огуз. *-duq*). Огласовка мест. надежа на *-ran* (< общетюрк. *-dan*) свидетельствует о частной особенности. Язык в общем представляет собою смесь признаков разных языков — ему свойствен наддиалектный характер. Эпитафийный стиль надписей выражен канонической формой текстов и некоторой языковой обработкой.

Язык надписей — литературный вариант, получивший название «булгарского». Языки булгарский и современный чувашский соотнесены близким сходством материальных единиц. Более поздний эпитафийный булгарский материал являет собою тип языка кипчакизованного вследствие употребления ритуального языка в другой этнической среде (кипчакской).

VIII. Образцы народно-разговорных языков. Среди тюркоязычных памятников средневековья имеются и такие памятники, которые отражают языки, не отвечающие критерию литературного языка.

Если нет достаточных данных, что язык памятника обработан, стилистически вариативен и совмещает в себе признаки различных диалектов, т. е. наддиалектен, его следует квалифицировать как диалектный. К такого типа представителям разговорных тюркских языков XIII—XIV вв. следует отнести язык лексикологического труда «Мукаддимат ал-адаб» Замахшари и несколько дословных переводов Корана на тюркский язык. Ценными памятниками разговорных кипчакских языков или диалектов конца XIII — начала XIV в. является «Codex Cumanicus», а XVI—XVII вв.— судебные акты армянского письма из Каменец-Подольска.

IX. Вопросы классификации и периодизации древних и среднетюркских литературных языков. В последнее время интерес у тюркологов к классификации ослаб, но это не означает, что сами вопросы классификации не заслуживают внимания.

А. Н. Самойлович считал, что существует один среднеазиатско-тюркский литературный язык и в истории его развития он выделял три периода: караханидский, хорезмский и чагатайский. Теория А. Н. Самойловича строилась на учете преемственности единой книжной традиции, видоизменяющейся в различные периоды под влиянием диалектной среды в крупных культурных центрах. Именно эта преемственность и вызвала кри-

тику А. К. Боровковым всей теории А. Н. Самойловича как построения, которое утрачивает историческую перспективу в развитии «диалектов», определявших особенности литературного языка в каждый период. Однако не принимать во внимание преемственность языковой традиции тоже нельзя, в противном случае формирование литературного языка будет приравниваться к модификации лишь диалекта, связанного с определенным этносом, т. е. природа литературного языка не будет полностью раскрыта.

Представляется, что периодизация не может основываться на одном каком-либо признаке, а должна быть комплексной, учитывающей как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы [8]. Среди внутриструктурных факторов каждый раз необходимо «рассмотрение» совокупных разнодиалектных признаков, сочетающихся в тех городских койне, которые легли в основу национальных литературных языков [9]. От результатов этого рассмотрения зависит понимание того, с какой величиной приходится иметь дело — с самостоятельным литературным языком или с каким-либо его этапом.

В экстралингвистическом плане невозможно обойти вопрос о реальных носителях литературного языка, о тех социальных слоях, которые являются хранителями литературной нормы. Важно выяснение степени распространения грамотности, культурно-исторической ситуации и ведущих культурных стимулов развития литературного языка. Необходимо исследование видов письма и системы жанров в рамках отдельных видов письменности [10].

Поскольку сочетание разнодиалектных признаков городских койне в каждый период позволяет говорить о статусе самостоятельных языков, то, очевидно, приходится иметь дело с классификацией литературных языков Центральной и Средней Азии, а не с периодизацией единого среднеазиатско-тюркского литературного языка.

Признавая обоснованным выделение А. Н. Самойловичем трех периодов в истории развития тюркских литературных языков, в то же время надо признать, что этой схеме не хватает исторической глубины. Она может быть создана добавлением двух литературных языков раннего периода: рунического койне и древнеуйгурского литературного языка.

Типы тюркских литературных языков. Древне- и среднетюркские письменные памятники заключают в себе языки двух типов: литературные и народно-разговорные (диалектные). Литературные языки, как можно было видеть, представлены в двух разновидностях. Первый вид — языки большого пространственного охвата (Центральная и Средняя Азия) и продолжительного времени действия (VIII—XIX вв.), нанизанные на стержень единой письменно-языковой традиции (огузско-уйгурской). Традиция эта удивительно устойчива: влияние ее ощущается и в других отдаленных центрах литературных тюркских языков. Второй вид — литературные языки меньшего сравнительно с первым географического и временно́го масштаба, не связанные между собой языковой традицией (Закавказье, Малая Азия, Египет, Поволжье; XIII—XVIII вв.). Очень невелик фонд памятников с записью тюркской диалектной речи. Это — главным образом ареал кипчакских языков.

«Масштабность» одной группы литературных языков и более узкое поле действия другой группы стоят в прямой связи с интенсивностью историче-

[8] Н. А. Баскаков, О периодизации истории литературного языка «тюрки», сб. «Лингвогеография, диалектология и история языка», Кишинев, 1973, стр. 136—146.
[9] М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, указ. соч., стр. 443.
[10] Там же, стр. 446.

ских, социальных и культурных процессов. Обилие образцов литературного языка сравнительно с текстами живой обиходно-бытовой речи связано, по-видимому, с уровнем развития государственных институтов и высокой степенью книжной грамотности и образованности тюрок, пониманием высокой ценности поэтического слова рядом с простой, необработанной речью.

Из всего изложения следует вывод: наряду со структурно-генетическим изучением языка тюркских письменных памятников необходимо исследование их в социально-историческом, культурном и функциональном аспектах.